

**ГУМАНИТАРНАЯ
ЭКСПЕРТИЗА**

ИНТИМНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И КРИЗИС СОЦИАЛЬНОСТИ

© 2017

О.В. Попова

**Попова
Ольга**

Владимировна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии РАН. В журнале “Человек” опубликовала статьи «“Быть телом” или “иметь тело”» (2007. № 6); “Современная технологическая утопия: российский контекст” (2012. № 5). E-mail: J-9101980@yandex.ru

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда; грант № 15-03-00818а.

В 2013 году в исследовательском центре Нидерландов — Институте Ратенау, где проводятся исследования, связанные с социальной оценкой развития и применения новых технологий, была издана книга голландского философа Рине ван Эста (Rinie van Est) “Интимные технологии: битва за наши тела и поведение” [10].

В марте 2014 года по итогам реализации проекта “Интимные технологии” Институт Ратенау опубликовал доклад под тем же названием. В документе акцентировалось внимание на двух проблемах:

- Как интимные технологии влияют на человеческую природу?
- Приблизят ли интимные технологии нас к себе и вызовут ли наши более тесные отношения друг с другом?

Институт опросил широкий круг экспертов, занимающихся проблемами на стыке технологии, этики и общества и попросил дать комментарии на данную тему в персональном блоге. Рождение книги было вдохновлено ответами экспертов.

Надо отметить, что в сборнике аналитических материалов “Европейская парламентская сеть оценки технологий: новые технологии и государственные решения” [4], выпускаемом Аналитическим управлением аппарата Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации, где обсуждается упомянутая работа ван Эста, понятие “интимные технологии” было заменено на менее вызывающее и благозвучное — “чувствительные технологии”. Как следствие, изложение содержания упомянутой книги утратило остроту и накал, поскольку под интимными технологиями подразумевается преодоление дистанции между технологиями и человеческим телом, такое их сближение, которое в трансгрессивных формах обретает эротическую артикуляцию¹.

Кроме того, понятие “чувствительные технологии” (“sensitive technologies”), а также “весьма чувствительные техноло-

гии” (“verysensitive technologies”) уже активно употребляется в различных источниках, как правило, в связи с упоминанием военных технологий. Например, к весьма чувствительным технологиям относится оборудование для обнаружения подводных лодок, технологии авиационных реактивных двигателей и др.

Исследование Рене ван Эста интересно прежде всего попыткой представить классификацию технологий, с которыми в той или иной степени ежедневно сталкивается современный человек.

Технологии сегодня столь быстро наполняют социальное пространство, что, пожалуй, требует тщательного изучения феномен технологической дезадаптации, шока от появления различных видов технологий. Ценность доступных для понимания обычного человека классификаций технологий заключается прежде всего в том, что они являются рационализацией, то есть психологическим защитным механизмом, позволяющим человеку хоть немного понять устройство окружающей нас сложной технологической реальности, чтобы впоследствии каким-то образом противостоять ей или, адаптировавшись, ее использовать.

Классификация технологий, предложенная голландским автором, носит именно такой характер. Она демонстрирует, как различными способами человеческое тело попадает в технологический кокон, становясь все более искусственным, все более сконструированным, что заставляет задуматься о возможных рисках применения технологий.

Итак, ван Эст различает четыре вида технологий: технологии “в нас”; технологии “о нас”; технологии “между нами”; технологии, “подобные нам” [10]. К первому типу относятся: RFID-чипы, электронные пилюли, кохлеарные имплантаты, глубокая стимуляция мозга, искусственные органы по обеспечению равновесия, искусственная сетчатка. Они расположены в теле человека либо воздействуют на человеческие органы, их действие направлено внутрь. Ко второму типу (технологиям “о нас”) относятся: GPS, считыватели RFID, камеры, GoogleStreetview, ДНК-чипы, МРТ-сканирование, сенсоризаторы сердцебиения и температуры тела. Эти технологии фиксируют определенные физиологические параметры, могут предоставить информацию о местонахождении человека, о совершенных им действиях. Они как бы наблюдают за человеком, за разными аспектами его физического присутствия в мире.

Технологии “между нами” — это социальные сети Facebook, Foursquare, Grindr, дополненная реальность (Google Glass). Эти технологии находят применение во взаимодействиях между людьми, существенно трансформируя формат социальных отношений, сближая людей во времени и пространстве, изменяя их социальную идентичность в виртуальном мире. К техноло-

¹ Например, когда речь заходит об активно распространяющейся в западных странах и Японии тенденции производства и использования роботов в качестве сексуальных объектов (партнеров) человека, замена реальных человеческих отношений отношениями с виртуальными партнерами.

гиям, “подобным нам”, относятся реальные виртуальные миры, Chatbots, электронный коучинг, технологии, создающие гуманоподобных роботов.

Все описанные технологии являются телесно ориентированными. Они могут размещаться в человеческом теле, делать его объектом анализа и получения данных (например, медицинских), подражать ему своими внешними характеристиками (быть гуманоподобными), подстраиваться под физические параметры человеческого тела и т.д. Они настроены на человеческое тело и подогнаны под него.

Технологии становятся современным фетишем, и если в древности изображение тотема напоминало человеку о его первоистоках, то в свете развития трансгуманистических идей таким тотемом, наделенным сверхъестественными свойствами, напоминающим постчеловеку о его первопричине, может, например, стать компьютер или подобные технологические устройства. Технологический фетиш, как и классический фетиш, — это не просто вещь, это динамическая реальность, наделяемая сверхъестественными свойствами, особой силой, запускающая возможность проектирования человека. Современным технологиям предоставляется роль не просто внешней детерминанты человеческого развития, но своего рода “априорной” формы чувственности, задающей новые масштабы восприятия мира и своего места в нем. Развитие упомянутых технологий влияет на преобразование формата интимности, стимулирует ее трансформацию, вызывает, как полагает ван Эст, приход интимно-технологической революции (интимной — в смысле чрезвычайной близости технологий и человека) [ibid.].

Обращаясь к истории идей, стоит вспомнить, что в начале XX века именно такого рода интимность стала трафаретной для идеологов футуризма, в частности итальянского поэта Ф.Т. Маринетти. Он ратовал за воплощение технической утопии на основе синтеза человека и машины. Выдвинутая Маринетти программа создания “механического человека в комплекте с запчастями” в итоге обрела форму истолкования человека как “винтика” социальной системы. Однако ее основание — в понимании человека как человека-кентавра, слитого в одно целое с техническим продуктом.

Новый формат интимности, о котором грезили в начале XX века, обозначил специфические особенности ее дальнейшей трансформации, связанные с артикуляцией сексуально-эротических акцентов в сближении человека и техники. М. Дери в работе “Скорость убегания. Киберкультура на рубеже веков” верно отметил: «Одной из наиболее специфических особенностей нашего мира является слияние секса с техникой. Этот симбиоз “родился из жадного любопытства изведать и расширить владения секса с помощью техники, с одной стороны, и желания сексуально обладать машиной — с другой”»[3].

Усиление форм коммуникации с техникой способствовало возникновению интимных связей в тех сферах, где их наличие ранее никак не подразумевалось. Технологическим объектам стали присваивать характеристики эротических объектов. В развитии технологий усматривается действие либидозной энергии. Жажда обладания техническими новинками демонстрирует то обстоятельство, что техническое, воплощенное в товарах потребления, становится объектом либидо: первых персональных роботов покупают “вовсе не затем, чтобы они разносили людям напитки” [там же]. Действительно, гуманоидные роботы стали объектом жесткой инструментализации, реализации скрытых желаний. Уже появились публичные дома, состоящие из женоподобных роботов, продаются экземпляры роботов для удовлетворения сексуальных потребностей.

Тема развития новых форм социальных отношений в контексте вторжения техники в ранее недоступные для нее сферы жизни постепенно осваивается массовой культурой. Уже многие десятилетия в произведениях литературы и киноискусства демонстрируется тенденция активного сближения человека с техникой, приводящий к гуманизации техники, с одной стороны, и технологизации человека — с другой. Остановлюсь лишь на одном примере, который служит прекрасной иллюстрацией развития этих процессов в современной цивилизации. Это роман-антиутопия В. Пелевина “S.N.U.F.F.” [см.: 9]. Здесь вышеупомянутые аспекты представлены в яркой гротескной форме, позволяющей довести до абсурда идею интимного сближения человека и техники.

Одна из линий романа посвящена отношениям главного героя и суры Кае — совершенной биосинтетической машине, роботу, исполняющему роль подруги, жены, любовницы. Сура Кая сконструирована на основе анализа ДНК ее будущего хозяина, позволяющего создать именно тот тип внешности и женской красоты, который будет соответствовать запросу заказчика. Она полностью имитирует человеческую личность, а алгоритмы ее поведения “очень сложны и основаны на изощренных взаимодействиях базы культурных кодов с генератором случайностей, которым, в свою очередь, управляет другой генератор случайностей — что позволяет сделать суру по-настоящему непредсказуемой” [9]. Жизнь суры строго подчинена, по мысли разработчиков, цели генерации наслаждения заказчику всеми мыслимыми и немыслимыми формами, в том числе болью. По сюжету книги сура оказывается более живой и многогранной личностью, чем сам главный герой (и именно в этом и усматривается парадокс гуманизации технологий), она демонстрирует человекоподобные эмоциональные реакции и в итоге обретает полностью автономный режим существования, сбжав от своего хозяина. Тем самым сура совершает и абсолютно человеческий поступок, и поступок запрограммиро-

ванных, поскольку ее поведенческие настройки (в том числе увеличение степеней свободы) изменял по своему усмотрению заказчик. На фоне обладающей свободой воли суры психологический и моральный профиль главного героя совершенно не соответствует человеческому, уподобляясь то примитивному поведению животного, то алгоритмическому функционированию технического устройства. Книгу В. Пелевина интересно рассматривать как пример предчувствования тенденций формирующегося уже сейчас будущего. Будущего, где гуманизация техники и технологизация человека в усиливающемся трансгрессивном стремлении навстречу друг другу подготовят почву для оформления и реализации проекта сексуально-технологической революции.

Интимные технологии и “невидимое” конструирование

Технологический артефакт в своей онтологической роли может быть рассмотрен в качестве объекта, который компенсирует дефицит человеческой сущности³. Этот дефицит может проявляться на разных уровнях: человек испытывает дефицит физических, познавательных возможностей, дефицит эстетических, моральных качеств. Такого рода дефицит имманентен человеческому существованию, которое обладает функциональной недостаточностью, бедностью. Попытки компенсировать собственную недостаточность полезными вещами (фактически усилителями человеческой природы) не удовлетворяют потребности человека. Возможно, это связано с тем, что внешние артефакты, как бы они ни были умело подстроены под хабитус человека, все же являются для него чем-то чуждым, мешающим, отвлекающим от собственной субъектности, в то время как идеальный артефакт должен не осознаваться в качестве инструментализируемой вещи, он должен обладать собственной активностью, исходящей при этом из глубины самого субъекта. Выполнение этого парадоксального требования оказывается возможным только в случае, если артефакт окажется глубоко укоренен в человеческой телесности, то есть онтологически будет находиться на грани превращения в естественную вещь.

Современный культурный проект направлен на минимизацию артефакта. Речь идет не только о его миниатюризации (как, например, в случае с нанотехнологическими артефактами), но, если можно так выразиться, онтологической миниатюризации, то есть о размывании свойств артефакта, слиянии его с естественными объектами. Эта тенденция определяет своеобразие конструктивистского тренда современности: необходимо не просто конструировать, но конструировать сам субъект, элиминируя дистанцию между организмами и веща-

³ Следуя идеям А. Гелена [1].

ми, между живым и технологичным, человеком и машиной. Миниатюризация артефакта стала возможной благодаря усилению научного взгляда, его обострению, в том числе с помощью использования специальных приборов (например, электронных микроскопов), его направленности на дробление мира.

Обозначенная тенденция была бы неосуществимой без переориентации метода современной науки — с открытия истины на конструирование, что стало возможным в результате формирования прагматического техноцентристского мировоззрения современного человека. Х. Новотный заявляет об отсутствии объективного “незаинтересованного” взгляда наблюдателя, “чистого зеркала”, на котором бы отражались научные истины[11]. Взгляд современного ученого — это взгляд, направленный не только на понимание сути вещей, но и на их преобразование, конструирование, использование в прагматических ненаучных целях. Развитие интимных технологий в целом является реализацией общекультурного проекта по конструированию человека.

В сложно организованном технологическом мире вещи подверглись бесконечному делению, и на повестке дня встал вопрос о том, чем считать частицы частиц, например кварки. Одна из интерпретаций оказалась связана с их оценкой в качестве символов численного мышления. Раздробленный на частицы мир перестал быть чувственным. Достижения науки и техники демонстрируют нам результат непрерывного процесса дробления мира. Современный вектор научно-технического развития предвещает наступление эры квантовых технологий, которая идет на смену эре “нано”.

Созданный культурой потребления бесконечно разнообразный мир вещей дополняется миром микроскопических гаджетов, миром вещей такого размера, который приближается к миру невидимых сущностей, миру идей, миру математических величин. Универсум математических величин грозит затмить универсум мира вещей, преобразить само понятие вещи — от того, что доступно чувственному взору, — к тому, что будет ему недоступно, но будет не менее реально в своей вещности, не менее артефактично.

Современные устройства (видео)наблюдения лишают нас частной жизни, привычного для нас личного пространства. А если они находятся в клетках нашего тела? Будут ли получать у Вас информированное согласие на медицинские процедуры врачи-нанороботы, которые будут жить в организме человека и устранять проблемы со здоровьем? В отдаленном будущем все возможно... Голос врача, требующего согласия на медицинское вмешательство, вполне может исходить из самого человеческого тела.

Обращу на нанотехнологии более пристальное внимание, поскольку их незаметность способна сделать их невидимым инструментом (но также и оружием) в процессе развития прак-

тик конструирования человека. Все более компактные миниатюрные устройства наблюдения наномасштаба поднимают проблему конфиденциальности медицинской информации, приватности, соблюдения гражданских свобод, заставляют задуматься о возможности использования наноустройств не по медицинским показаниям, а с какими-либо иными прагматическими целями.

Артефакты, полученные на основе наночастиц, не соответствуют идеалу “повиновения”, с точки зрения которого оценивается безопасность обычных артефактов, наполняющих нашу повседневную жизнь. “Непокорность” наночастиц является предметом размышлений не только писателей-фантастов или пессимистов-футурологов, но является своего рода имплицитной предпосылкой дискурса о нанотехнологиях, вызывая пристальное внимание со стороны всех тех, кому небезразличны последствия применения нанотехнологий. Наночастицы как феномен природы демонстрируют особый тип объективности, под которым подразумевается присутствие объектов, «когда они “способны” (“able”, слово этимологически очень сильное) *возражать* (to object) тому, что о них сказано» [6], то есть по своему поведению оказываются безразличными по отношению к высказываниям ученых, *непокорны* по природе.

Непокорность наночастиц, непредсказуемость их поведения являются во многом причиной того, что диагностические методы с использованием нанотехнологий и тем более терапевтические (доставка лекарств, осуществление нанохирургических операций) — дело пока еще не самого ближайшего будущего. Однако уже сегодня массовое сознание наполнено фобиями, связанными с воздействием наночастиц на человека (например, такими, как появление облаков нанороботов, выполняющих различные задания во время военных действий, невидимым образом уничтожающих противника за счет проникновения в его дыхательные пути, кровеносную систему, выводящих из строя его технику и т.д., или размножающейся нанослизи, поглощающей все живое).

Перспективы развития нанобиотехнологии могут быть связаны с заменой органического (естественного) механическими (искусственными) имплантатами, предельно минимальными артефактами, задача которых состоит в усовершенствовании человеческого существа.

В целом интимное сближение технологии и человеческого тела делает незаметным весь путь преобразования и преобразования, по которому, возможно, идет человек. Технологическое преобразование человека, скорее всего, не вызовет столько страданий и усилий, сколько требовалось от человека, скажем, ради улучшения внешности или достижения результатов в спорте. Но будут ли полученные результаты именно спортивными результатами?

Уже сейчас существуют возможности использования генетических технологий (генная терапия) для увеличения мышечной массы. Изначально подобный вид помощи являлся медикаментозной терапией для таких заболеваний, как мышечная дистрофия, связанная с возрастом саркопения, ВИЧ и СПИД, а также раковая кахексия. Для современного бодибилдинга открываются новые перспективы: выраженная маскулинность будет формироваться не посредством длительных и зачастую непосильных тренировок, сопровождаемых непрекращаемым вниманием к усовершенствованию собственного тела, но, возможно, путем генетических манипуляций, задающих план развития физически выносливого, атлетически сложного индивида. Сквозь генетическую оптику мы будем иметь дело с культивированием “внутренней” красоты, которая с технологической неизбежностью обретет свой внешний план, и с культивированием силы как результатом биотехнологических манипуляций.

Открывая этот мир в соответствии с пока известными нам законами физики, мы приближаемся к моменту, который может опрокинуть все наши представления о жизни, материи, кардинально изменить наш опыт и антропологический облик. Компьютер размером с атом, на который может быть записана информация обо всем культурном багаже человечества, и, как обещают нам трансгуманисты, сам человек такого же размера являют собой плоды калькулирующего мышления и бесконечного процесса дробления мира, с одной стороны, и свидетельство абсолютного, безоговорочного доверия технологии, формирующего всепроникающую интимную сеть взаимосвязей между человеком и техникой, — с другой.

Интимные технологии и проблема техновзгляда

Обращу внимание на еще один пока малоосмысленный и плохо изученный подход к развитию интимных технологий, связанный с проблемой технологического взгляда.

Дело в том, что интимные технологии “всматриваются” в человека определенным образом, фокусируя внимание на отдельных фрагментах, параметрах его существования, например: следят за изменением температуры тела или сахара в крови, его социальной репрезентацией (как это делают социальные сети), физическим присутствием в мире и связанными с ними динамическими характеристиками (как это делают камеры), вглядываясь в человека также “постчеловеческими” глазами эротических объектов, и т.д. Проблема техновзгляда концентрирует в себе целый спектр вопросов, связанных с тенденцией интимизации технологий. Попытаюсь тематизировать техновзгляд как особую реальность с само-

бытной онтологией, которая порождает множество социально-этических проблемных зон.

Отталкиваясь от историко-философского контекста, можно утверждать, что взгляд Другого является фундаментальной причиной, конституирующей субъекта, в то время как потенциальным следствием отсутствия взгляда является расширение границ субъективности до пределов, сливающихся со стихией жизни, со стихиями Природы. Взгляд способен выступать основанием морального отношения. Вспомним Фихте с его “философией телесности”, отметившего, что один взгляд на подобное собственному человеческое тело позволяет рассматривать Другого как человека, или Э. Левинаса, для которого подобное этическое отношение возникает, когда мы сталкиваемся с лицом Другого, чей взгляд пробуждает в нас моральные обязательства), или Лакана, для которого взгляд (в частности, взгляд на самого себя) — это важнейший эпистемологический фактор, без которого не был бы возможен опыт самопонимания субъекта как отличной от внешнего мира физической структуры.

Давайте попытаемся представить в философской оптике, что происходило с человеком, смотрящим на робота в XX веке, и сравним это с особенностями восприятия гуманоподобной роботизированной техники в XXI веке.

Когда в XX веке люди смотрят на гуманоподобного робота или даже манекена и полагают, что это человек, их внутренний мир подвергается трансформации. Другой угрожает организации, структуре, ценностям вашего мира. Его присутствие вы не можете контролировать, оно содержит в себе какой-то элемент опасности. Когда человек понимает, что перед ним робот, который не является субъектом, мир, кажется, возвращается обратно, и он снова оказывается в центре вселенной. Робот или манекен — это всего лишь объекты этой вселенной, вещи среди вещей.

В XXI веке люди также смотрят на робота или манекена. Когда они понимают, что это робот, их мир также трансформируется. Но трансформируется в сторону субъектности. Люди начинают относиться к роботу, как если бы он был не просто вещью, но субъектом, ожидают от него общения, каких-то реакций, которые раньше были свойственны только людям, пытаются вступить с ним в человекоподобные отношения. И оказывается, что эти отношения могут быть для людей более предпочтительными, чем общение с другими людьми. Такие отношения менее сковывают, не обременяют и не несут в себе импульса страха. Робот, виртуальные программы-роботы отныне находятся в центре человеческого Универсума. Человек относится к роботу, как он ранее относился только к личности, или трансцендентной реальности.

Итак, современность ставит перед этикой взгляда новую проблему — проблему техновзгляда. Под ним подразумевается

феномен приписывания технике (например, гуманоидным роботам) функции Другого, наблюдающего за человеком, наделяния техники чертами личности, морального субъекта. Наблюдая за человеком, техника вызывает у него широкий спектр эмоциональных реакций и даже определенное этическое поведение. Присутствуя в той или иной репрезентации: робота, автомобиля, компьютера, — техника дисциплинирует человека, заставляет его координировать свое существование с законами функционирования технического устройства, испытывать их влияние на формирование собственного нормативного пространства.

Камера, следящая за человеком, определенным образом выстраивает его поведение, может тормозить и, наоборот, провоцировать определенные эмоциональные реакции; программное обеспечение, подсказывающее субъекту, каким образом он должен осуществить свой выбор товаров и услуг, предлагающее новинки, запоминающее его предпочтения, — это все примеры работы техновзгляда, действие которого зачастую оказывается не менее сильно, чем действие живого взгляда, брошенного человеком. Вездесущность техновзгляда приводит к неактуальности и даже излишеству человеческого взгляда, с его ошибками, искаженными оценками, неизлечимой пристрастностью. Технике предоставляют выносить суждения о картине реальности, с которой она сталкивается.

В 1999 году на конференции “MobiCom-99” (Сиэтл, США) было выдвинуто предложение о развитии информационных технологий на основе концепции проактивных вычислений. В концепции сделан акцент на развитии компьютерных технологий в качестве автономной, фактически самозамкнутой системы, не нуждающейся в человеке. Как отмечает Г. Малдер, заместитель директора отдела исследований компании “Интел Резёрч”, «...при проактивных вычислениях, которые должны стать одним из главных направлений использования компьютеров в будущем, компьютер будет сам предугадывать наши нужды и самостоятельно действовать в наших интересах... Проще говоря, если нынче компьютеры — это наши “рабы” (которые нам беспрекословно повинуются и терпеливо ждут наших указаний), то в будущем компьютеры станут нашими “дворецкими” (возможно, с определенной степенью строптивости), которые в определенной мере будут предугадывать нужды своих хозяев и даже навязывать им определенные действия в соответствии с существующими правилами “этикета” и “церемониала”, а также руководствуясь принципами “заботы о нашем здоровье”» [7]. Развитие концепции проактивных вычислений, таким образом, связано с предоставлением пользователям обширного набора услуг при минимальном контроле человека, вплоть до полного “исключения” человека, лишения его автономии в управлении системой [13].

Концепция проактивных вычислений конгруэнтна современной технократической идеологии, разделяемой различными направлениями трансгуманизма. В ее основе лежит стремление усовершенствовать человека технологическим путем. Ее целью, однако, становится не столько совершенный человек, сколько доведение до совершенства технологии и выход в постчеловеческое состояние, преодоление человека как такового. Интимизация технологической реальности, речь о которой шла выше, является лишь предварительным этапом сближения технологий и человека — этапом освоения технологий, но следующий этап уже связан с освоением человека: человек рискует оказаться незначимым звеном в технологической экспансии, звеном, которое будет сметено в процессе технологической эволюции.

Современную технику учат не только мыслить, но и чувствовать. Интимные технологии оказываются телесно ориентированными не только в том смысле, что они демонстрируют особую близость технологии к человеческому телу, достигающую в идеале неразличимость между естественным и искусственным, но и в том, что они еще и развиваются, ориентируясь на образ человеческого тела, на создание его аналога, обладающего огромным диапазоном восприятия. Классический пример — это разрабатываемые для современных компьютеров сенсоры и сенсорные сети, являющиеся проекцией человеческого тела (и в равной степени — редуцированной человечностью, отнимающей человека у человека).

Масштабы контроля над человеческим телом, который открывается благодаря новейшим достижениям в области биомедицины, перспективы превращения тела в артефакт, продукт технологического развития, — все это успешно коррелирует со столь же поразительной по размаху гуманизацией технологических роботизированных тел. Их наделяют все большими степенями свободы, все более широким диапазоном сенсорного восприятия, все более сильными когнитивными характеристиками. О них грезят как о живых, целостных бессмертных телах, куда будет перенесено впоследствии сознание человека. И они вглядываются в человека все более гуманопоподобным взглядом.

Именно техновзгляд становится соучастником и творцом человеческой истории, проникая в самые интимные области человеческой жизни и оставляя о них видеосвидетельства, информационные данные, визуальные следы. Современные технологии все больше и больше похожи на субъекта, человека, который выполняет функции Другого, наблюдающего за человеком. Современный человек воспринимает технику, как если бы она была не просто объектом, а субъектом, который способен превосходить его по ряду параметров — например, по скорости реагирования и обработки данных для получения информации. Этот технологический субъект может вызвать в че-

ловеке широкий спектр эмоций, провоцируя различные типы поведенческих реакций, соответствующих принятым моральным нормам и проблематизирующих их.

Д. Деннет в работе “Виды психики: на пути к пониманию сознания” остро ставит проблему обмана взглядом. Я бы ее назвала проблемой “лживого взгляда”. Ход рассуждений автора я превращу в смоделированную ситуацию: представьте себе, что вы склоняетесь над колыбелью. На вас смотрит младенец. На ваш взгляд вам отвечают взглядом. На ваше присутствие вам отвечают присутствием. Или, как говорит Д. Деннет, “в новорожденных завораживает то, что с самой первой минуты в них кто-то присутствует” [2].

Однако представьте себе и другую ситуацию (не смоделированную Деннетом, но существование которой вытекает из контекста его рассуждений): вы склоняетесь над колыбелью младенца, пристально глядящего на вас, протягиваете руку, чтобы его погладить, и при прикосновении понимаете, что перед вами не совсем младенец и даже не совсем человек. Д. Деннет отмечает, как легко нас можно ввести в заблуждение взглядом. Так, нас может обмануть робот. Исследователь приводит пример робота Кога из Массачусетского технологического института (видите, у него даже имя есть в отличие, скажем, от узников концлагерей), «движения частей тела которого были обескураживающе похожи на гуманоидные... Если смотреть Когу прямо в глаза, в то время как он автоматически смотрит в ответ, это может оказать “завораживающее” действие на непосвященного, но за этими глазами никого нет — пока, во всяком случае» [там же].

Что же происходит в реальном мире с действием аргумента взгляда?

Взгляд робота, имитирующий взгляд человека, может вызывать беспокойство и тревогу, но также и безразличие, и радость, и даже восхищение. В реальном мире воздействие взгляда парадоксально: не всякий человеческий взгляд или образ человеческого тела вызывает у нас моральное чувство, мы можем игнорировать эстетически непривлекательные объекты или такие образы живых существ, которые способны вызвать у нас отвращение. Вместе с тем если “аргумент взгляда”, направленный на человека, не всегда срабатывает, то все сильнее заявляет о себе аргумент техновзгляда. И в число тех, из-за которых он не прекращает свое действие, могут входить все, кто по каким-то параметрам отклоняется от социальной нормы, модных эталонов человеческих существ, наполняющих пространство массовой культуры.

Взгляд технического устройства (робота), казалось бы, ни к чему не обязывает. Однако замешательство и беспокойство, которое он вызывает, способны стать предвестниками появления в дальнейшем морального ответа. Вместе с роботами люди способны испытывать глубокие чувства, о которых, воз-

можно, они позабыли или в которых разочаровались в человеческом сообществе. Между техническим устройством и человеком возникают тесные эмоциональные связи. Поэтому электронные собаки или роботы-младенцы становятся объектами повышенного проявления нежности и внимания.

Почему срабатывает аргумент техновзгляда? Возможно, потому что мы чувствуем, что мы и есть роботы. Это также ответ Деннета; правда, исследователь дает его в очень своеобразной юмористической форме. Вспоминая о самореплицирующихся макромолекулах, из которых состоит наше тело, Деннет заявляет о том, что “больше нет серьезных оснований сомневаться в том, что мы — прямые потомки этих самореплицирующих роботов. Мы млекопитающие, а все млекопитающие произошли от рептилий, предками которых были рыбы; предками же рыб были морские создания, довольно похожие на червей, которые в свою очередь произошли несколько сотен миллионов лет назад от более простых многоклеточных созданий, а те произошли от одноклеточных созданий, произошедших около трех миллиардов лет назад от самореплицирующих макромолекул”. Подводя итог, он шутливо замечает: “Скажем яснее: ваша пра-пра... бабушка была роботом!” [там же].

Такой контекст рассуждений склоняет к лаконичному этическому выводу: давайте уважать прабабушек! Если же говорить на более серьезном теоретическом уровне, то объединение человечества может произойти в контексте биоцентристской парадигмы, но не потому, что мы все живые существа, а постольку, поскольку каждый из нас является роботом, поскольку внутри каждого из нас звучит голос, напоминающий об уважении к первопредку своего тела. К роботу.

Роботофилию можно расценивать как новый вид (псевдо)гуманизма в условиях, когда человек тяготится присутствием другого человеческого существа, когда Другой оказывается слишком сложен и обременителен для общения. И здесь аргумент “от первопредка”, сформулированный Деннетом, дает значительное подспорье: человеческое существо любит роботов, поскольку, вглядываясь в себя, любит себя. (Не будем ничего говорить о сложности онтологической архитектуры такого себя.)

Итак, взгляд вносит фактор дезинтеграции в человеческое существование. Дезинтеграции с окружающим миром, собой и другими людьми. “Быть увиденным другим” (по-другому) означает быть схваченным как объект мира, как вещь, подлежащая оценке и взвешиванию, однако “быть увиденным Другим” (кем-то) является возможностью, способной пробудить в Другом моральную реакцию, заставить его взгляд подняться до уровня понимания человеческого существа как этической вещи, отличной от вещей окружающего мира. Техновзгляд, как ни странно, способен выполнять эту же функцию, пробуждая

голос совести, принуждая его к долгу, представляя объектом желания... Здравый смысл, однако, заставляет ставить следующие вопросы: будет ли человек, способный полюбить робота или виртуальную подругу, глядя ему в глаза, ревновать его, чувствовать злость, досаду или страдание? Будет ли он испытывать удовольствие от нахождения под взглядом?

В этой связи уместно вспомнить С. Жижека, подметившего, что события, с которыми мы имеем дело в виртуальной реальности, не настолько отличны от тех, с которыми мы сталкиваемся в так называемой реальности обыденной. В виртуальной реальности, а именно к ней и относится техновзгляд (как бы и существующий, но не в смысле физического воплощения, а как функция-имитация, функция приписывания), наблюдается виток в сторону картезианства: рациональность проявляется как чистое картезианское эго. Телесные основы идентичности практически сводятся на нет. Жижек утверждает, что конструирование собственной идентичности в виртуальных сообществах показывает, что “все наши физические свойства заменяемы, а вот неизменным в субъекте остается именно *cogito ergo sum*, то есть картезианский субъект... Виртуальная реальность помогает нам обнаружить то, что в нашей, так сказать, реальной реальности наша идентичность тоже в известном смысле виртуальна. Если вы — женщина, оскорбленная, униженная, изнасилованная, то, конечно, это физическая травма, но все-таки оскорбление, унижение предполагают, что ваша идентичность была травмирована, ваша виртуальная идентичность, а не идентичность, непосредственно зависящая от вашего биологического тела, даже если и социально сконструированного” [5].

В виртуальной реальности мы фактически конституируем Другого, одновременно конституируя себя. Аналогично выглядит дело с гуманоподобными роботами. Мы осуществляем двойное конституирование, настраивая себя на восприятие их как вещи, которая больше, чем вещь, техники, которая больше, чем техника. Но ни роботы, ни виртуальные персонажи не дают нам возможность понять очевидную вещь: Другого надо не конституировать, а встретить.

Литература

1. Гелен А. О систематике антропологии (пер. А.Ф. Филиппова) // Проблема человека в западной философии: Переводы / сост. и послесл. П.С. Гуревича; общ. ред. Ю.Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. С. 152–201.
2. Деннет Д. Виды психики. На пути к пониманию сознания. М.: Идея-Пресс, 2004. URL: <http://www.psyoffice.ru/2298-9-dennd01-index.html> (дата обращения: 05.04.2016).
3. Дери М. Скорость убегания: Киберкультура на рубеже веков. Екатеринбург: Ультра. Культура; М.: АСТ, 2008. URL: <http://www.marsexh.ru/lit/dery-escape.html> (дата обращения: 05.04.2016).

4. Европейская парламентская сеть оценки технологий: новые технологии и государственные решения // Аналит. вестн. 2013. № 33 (551).
5. *Жижек С.* Власть и цинизм. URL: http://www.belintellectuals.eu/media/library/zizek_vlast_i_cynizm.doc (дата обращения: 05.04.2016).
6. *Латур Б.* Когда вещи дают сдачи // Вестн. МГУ. Сер. 7. Философия. 2003. № 3. С. 20–39. URL: <http://philosophy.ru/library/latour/whenthings.html> (дата обращения: 05.03.2016).
7. Научные исследования в Intel — подробности о некоторых технологиях будущего. URL: <http://www.ferra.ru/ru/system/s25980/> (дата обращения: 05.03.2016).
8. *Попова О.В.* Биотехнологическое конструирование искусственного-естественного: социальный контекст // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 2. С. 161–171.
9. *Пелевин В. S.N.U.F.F.* М.: Эксмо, 2012.
10. *Est R. van, Rerimassie V., Van Keulen, Dorren G.* Intimate technology: The battle for our body and behavior. The Hague, Rathenau Instituut, 2014.
11. *Nowotny H., Testa G.* Naked genes: Reinventing the human in the molecular age. Cambr., Mas.: MIT Press, 2010.
12. *Venter L., Olivier M.S., Britz J.J.* Interactive to Proactive: Computer Ethics in the past and the future. URL: <http://mo.co.za/open/proactive.pdf> (дата обращения: 11.04.2016).

НОВЫЕ КНИГИ

- Манн И.* **Номер 1. Как стать лучшим в том, что делаешь.** 3-е изд. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 240 с.
- Михайлова Е.Л.* **Психолог для невидимки. Чистосердечные признания.** М.: Класс, 2015. 192 с.
- Петрановская Л.В.* **Тайная опора: Привязанность в жизни ребенка.** М.: АСТ, 2015. 288 с.
- Пржиленский В.И.* **Социальные технологии: Фундаментальные и прикладные проблемы: Монография.** М.: Норма, Инфра-М, 2015. 176 с.
- Пронин М.А.* **Виртуалистика в институте человека РАН.** М.: Ин-т философии РАН, 2015. 179 с.
- Психология и психоанализ власти / Сост. Д.Я. Райгородский.** Самара: Бахрах-М, 2016. 816 с.
- Сафрански Р.* **Ницше: Биография его мысли / Пер. с нем.** М.: Дело РАНХиГС, 2016. 456 с.
- Сент-Джонс Р.* **Большая восьмерка: Результаты самого масштабного исследования успешных людей / Пер. с англ.** М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 272 с.
- Смирнова Н.М., Бескова И.А., Майданов А.С.* **Язык, смысл, творчество.** М.: Ин-т философии РАН, 2015. 141 с.

 с. 162